

А. В. Малинов

ПОЭТИЧЕСКАЯ ИСТОРИСОФИЯ А. С. ХОМЯКОВА¹

Поэтическое наследие Алексея Степановича Хомякова (1804–1860) не велико по объему: всего около сотни стихотворений. В жизни поэта были периоды, когда в течение нескольких лет он вообще не писал стихов. Современники высоко ценили поэзию Хомякова, считая его одним из лучших последователей А. С. Пушкина, который, к слову, высоко отзывался о поэтическом даровании Хомякова. Однако поэзия была лишь одной из сторон богато одаренной природы Хомякова. Многосторонность его деятельности поражает: поэт, драматург, живописец, философ, историк, богослов, публицист, изобретатель, архитектор, медик, рачительный сельский хозяин... Не случайно современники сравнивали Хомякова с М. В. Ломоносовым по многогранности его талантов и ставили в один ряд с другим национальным гением – Пушкиным. А Н. А. Бердяев проводил параллель между Хомяковым и И. В. Гете. При этом даже те, кто не были согласны с взглядами Хомякова, очень высоко оценивали его нравственные качества, считая его в этом отношении человеком безупречным.

Необычайная одаренность, личное обаяние, нравственный авторитет и жизненная активность сделали из Хомякова лидера движения славянофилов – движения не политического, а литературного и философского, пришедшегося на 40–50-е годы XIX в. Участие в славянофильском кружке постепенно оттени-

¹ Монография подготовлена при поддержке гранта РГНФ (№12-03-12020).

ло и оттеснило другие грани творчества Хомякова. Его поэзия стала рассматриваться прежде всего как выражение и пропаганда его славянофильских убеждений. Такой взгляд на поэзию Хомякова верен лишь отчасти. Во многом он был спровоцирован полемикой между славянофилами и западниками и впервые в резкой форме высказан в 1844 г. В. Г. Белинским в статье «Русская литература в 1844 г.». Статью Белинского нельзя считать объективным анализом и беспристрастным критическим разбором поэзии славянофила. Она как раз пристрастна и не лишена односторонности. Оценки и выводы Белинского – это часть споров западников со славянофилами, достигших максимальной остроты как раз в 1844 г., после чего эти два течения русской мысли окончательно разошлись. Не последнюю роль в этом разрыве сыграла именно непримиримая и радикальная позиция Белинского, целенаправленно шедшего на конфронтацию со славянофилами. Поводом же к разрыву послужила поэзия, а именно стихотворение шурина Хомякова Н. М. Языкова «К ненашим».

При жизни Хомякова был опубликован только один сборник стихов, подготовленный его племянником Д. А. Валуевым в 1844 г. и вызвавший резкую критику Белинского, утверждавшего, что Хомяков лишен поэтических способностей. Хомяков, по признанию М. Н. Лонгинова, издавшего сборник стихов поэта в 1861 г., никогда не заботился о своей поэтической славе, и к новому изданию стихов у него «как-то не лежало сердце»¹. Следующее, более полное издание стихотворений Хомякова вышло в 1861 г., через полгода после его смерти. Впоследствии эта подборка стихов переиздавалась еще несколько раз (в 1868, 1881 и 1888 гг.).

На поэтическое творчество Хомякова живо откликались современники, которые близко его знали и находились под обаянием его личности. К. С. Аксаков в статье «Письма о современной литературе. Письмо 1-ое. Литература предыдущей

¹ Лонгинов М.Н. Стихотворения А. С. Хомякова // Хомяков А.С. Стихотворения. М., 2005. С. 459.

эпохи» (статья не была закончена; впервые опубликована в сборнике «Проблемы реализма» (Вологда, 1978)), К. А. Коссович в статье «Несколько слов в память А. С. Хомякова» (Русская беседа. 1860. № 2), А. Ф. Гильфердинг в статье «А. С. Хомяков» (Санкт-Петербургские ведомости. 1860. № 216. 7 октября), которые были откликами на смерть Хомякова, дали общую характеристику его личности и поэтического творчества, отметив значение Хомякова для русской мысли и культуры. Идейное содержание поэтического наследия Хомякова постарался раскрыть историк литературы, один из последователей славянофильства О. Ф. Миллер в статье «Стихотворения Хомякова со стороны руководящих мыслей», опубликованной в журнале «Заря» (1869. № 7). Он, в частности, называл Хомякова поэтом-гражданином, указывая на особое понимание личности у русского поэта, связывавшего *я* с *мы*. Все первые исследователи поэтического творчества Хомякова (помимо упомянутых, К. А. Полевой, О. И. Сенковский, М. Н. Лонгинов, А. П. Милюков, В. В. Чуйко) останавливались на основных темах его поэзии: идее славянского единства, роли России, критике исторического пути Запада, гордости, подвига и др.

Философское изучение поэзии Хомякова начинается со статей В. Н. Кораблева «А. С. Хомяков (1804–1904)» (Известия Петербургского славянского благотворительного общества. 1904. № 7) и Э. Л. Радлова «О поэзии А. С. Хомякова» (Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911). Кораблев вписывал поэзию Хомякова в движение романтизма, в том числе и выросшей из него немецкой философии. Это позволяло не просто перечислить основные темы поэтического творчества Хомякова, но и показать их связь между собой и с философскими поисками эпохи. Радлов, помимо выявления философских сюжетов поэзии Хомякова (война, подвиг, гордость, личность, вдохновение, смирение, историческая задача России и др.), рассмотрел и оценил стихи Хомякова сквозь философию и поэзию В. С. Соловьева.

В 1912 г. вышла книга Бердяева «Алексей Степанович Хомяков», в которой популярный философ касался и поэтическо-

го творчества Хомякова. На фоне ярких и не всегда непротиворечивых характеристик личности и философии лидера славянофилов Бердяев признавал отсутствие интимности и лиризма в его стихах. Патриотический подъем Первой мировой войны побудил поэта М. А. Кузмина обратиться к стихам Хомякова в статье «Аналогия и провидение? (О А. С. Хомякове как поэте)» (Аполлон. 1914. № 6/7). Высоко оценивая историсофские идеи и гражданственность поэтического творчества Хомякова, он, тем не менее, отмечал однообразность и риторический пафос его поэзии.

Большинство последующих исследований о Хомякове и славянофилах было посвящено их философскому наследию. Литературное, в том числе и поэтическое, творчество славянофилов рассматривалось в сборниках «Литературные взгляды и творчество славянофилов. 1830–1850-е годы» (М., 1978) и «Славянофильство и современность» (СПб., 1994), а также в монографиях В. И. Кулешова «Славянофилы и русская литература» (М., 1976), В. П. Попова «Славянофилы и русские писатели» (Тогун, 1988), М. Ю. Карушевой «Славянофильская драма» (Архангельск, 1995). Новый этап в изучении поэтического наследия Хомякова связан с работами Б. Ф. Егорова¹ и В. А. Кошелева², им же принадлежат наиболее полные и научные издания стихов поэта-славянофила и его философских работ.

Программным документом славянофильства стало выступление Хомякова с докладом «О старом и новом» зимой 1839 г. в Москве на одной из сред у И. В. Киреевского. Из споров, вызванных докладом Хомякова, и сложился славянофильский кружок. Сюжеты и образы, отсылающие к старине, не являются доминирующими в поэзии Хомякова. Его поэзия не ограничивается только обращением к старине.

¹ Егоров Б.Ф. От Хомякова до Лотмана. М., 2003.

² Кошелев В.А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840–1850-е годы). Л., 1984; Кошелев В.А. Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях. М., 2000; Кошелев В.А. Парадоксы Хомякова. Заметки и наблюдения. М., 2004.

Прямым образом тема старины присутствует, конечно, в произведениях, написанных на сюжеты из русской истории: неоконченная поэма «Вадим» (нач. 1820-х гг.), трагедии «Ермак» (1825–1826) и «Дмитрий Самозванец» (1833). Стилизацию под былинный распев представляет собой стихотворение «Русская песня» (1830-е гг.).

Образы прошлого, старины в поэзии Хомякова многогранны и противоречивы. С одной стороны, это область неизвестности, тьмы («в древние, в безвестны, темны лета»), забвения («тихий ток воды забвенья»), сторона смерти («жилище дедовских костей»), обмана («преданья, веков исчезнувших обман»). С другой стороны, старина указывает на фрагменты некоего изначального смысла, идеи, ценности («следы времен минувших», «заветы древности седой»), которые могут быть восстановлены, воспроизведены в настоящем. Так, древность ассоциируется прежде всего с эпохой величия, веселья и славы:

О прежних веселья минувшего днях
.....
О славных, давно улетевших веках.
(«К арфе», пер. пол. 1820-х гг.)

Величием наполнен образ языческой Греции, который Хомяков воскрешает в своих стихах в связи с войной за независимость Греции в 1821 г. Героическое прошлое Эллады, о котором напоминает поэт, должно придать дополнительные силы восставшим, поднять их боевой дух. Кроме того, греческое восстание воспроизводит давнюю историософскую антитезу борьбы Запада с Востоком, цивилизации с варварством. С историософской точки зрения победа греков гарантирована их культурным превосходством, их былым величием. Идеи, подвиги, достижения старины не умирают, они пребывают в настоящем как залог будущих успехов и побед. Отсюда так важно для Хомякова сбережение старины, ее славных дел и культурных достижений. Взывая к исторической памяти греков в 1821 г., он двадцать лет спустя будет столь же ревностно стремиться сохранить и воскресить родную русскую старину.

Так! все великое в Элладу призывает!

.....
Где жили сильные, досель их виден след:
В Элладе каждый холм есть памятник побед.
В ней славой прежних лет природа вся полна.
(«Послание к Веневитиновым», нач. 1820-х гг.)

Стоит отметить, что Хомяков почти не упоминает о Греции как об истоке русского православия. Для него Греция остается родиной Античности, а не страной угнетаемых единоверцев. Греция принадлежит культурному миру Запада, а не христианскому Востоку, и помогать ей следует в первую очередь как прародине классической древности.

Однако положительный смысл прошлого может быть локализован и в дружеском общении, столь ценимом славянофилами:

В честь прежних лет,
Святых бесед
И дружбы нашей.
(«При прощаниях», 1828)

Известно, что славянофильский кружок сложился в конце 1830-х годов в качестве формы свободного философского общения, объединяющей не только единомышленников, но и друзей и даже родственников. Славянофилы впервые в русской культуре в столь полной форме воспроизвели изначальный тип философствования как размышления вслух, беседы, сопровождающей дружеское застолье. Философия была для славянофилов способом свободного времяпрепровождения, обеспеченного досуга. Себя славянофилы позиционировали как свободных, досужных мыслителей, которые никому не служат и для которых философия является не только поиском истины, но и способом достичь удовольствие от общения. Ценность и прелесть старины Хомяков сопоставляет со славянофильскими беседами и салонными философскими спорами. В ценностно-смысловом отношении эти беседы не уступают лучшим образцам старины.

Олицетворением старины для Хомякова являются спартанский царь Леонид и древнерусский сказитель Боян, с которыми отождествляет себя поэт:

И, новый Леонид Эллады возрожденной,
Я буду жить в веках и памяти вселенной,
Я гряну как Перун!
(«Послание к Вeneвитиновым»)

Здесь молодой Хомяков вновь обращается к языческой древности, сравнивая себя с легендарным спартанским царем и ставя в один ряд греческую Античность и славяно-русское язычество. Древнерусская старина – такой же героический и славный период, как и греческая история. Олицетворением ее выступает былинный сказитель Боян. «Арфа Бояна» («К арфе») – это не просто символ старины. В руках поэта она способна смысловым образом вернуть забытые события («Я пел бы старину и битвы древних дней»). Не случайно стихотворение «К арфе» Хомяков заканчивает призывом: «О арфа, со древа ко мне опустись». Арфа дает возможность восстановить связь настоящего с прошлым, возобновить традицию и огласить смыслом прошлого современность.

Другой символ старины – клинок, символ былой славы и воинской доблести. Беречь клинок означает помнить старину и стремиться удержать или воспроизвести в настоящем главное, что ассоциируется с прошлым – военные победы.

Но тяжкий меч, в ножнах забытый
Рукой слабеющих племен,
Давно лежит полусокрытый
Под едкой ржавчиной времен
И ждет, чтоб грянул голос брани,
Булата звонкого призыв,
Чтоб вновь воскрес в могущей длани
Его губительный порыв.
(«Клинок», 1830)

Конечно, это «тяжкий меч», но он может быть востребован в настоящем. Возвращение к прошлому, оживление старины возможно через войну, поскольку война привносит в нашу жизнь подвиг, геройство, т. е. те положительные качества, которыми наполнена старина. Война в поэтическом воображении Хомякова обретает исключительно позитивное значение. Она наполняет смыслом современность и одновременно согласует этот смысл с прошедшим. Можно сказать, что война смысло-

вым образом связывает и как бы уравнивает современность с древними веками.

Романтическое восприятие войны характерно прежде всего для ранних стихотворений Хомякова. В более поздних стихах этого нет. Возможно, участие Хомякова в одной из русско-турецких войн, да и накопившийся с годами жизненный опыт несколько остудили восторженное отношение к войне. Впрочем, едва ли Хомяков даже впоследствии кардинально пересмотрел свой взгляд на «веселые кровавые бои» («При прощаниях»), когда еще юношей рвался в бой за освобождение Греции:

О други! как мой дух пылает бранной славой,
Я сердцем и душой среди войны кровавой,
Свирепых варваров непримиримый враг.

.....

Одно мой внемлет слух, одно в моих очах:
Лишь стоны, смерть и кровь, ужасный вид сраженья
И гибель эллинов средь праведного мщенья.
(«Послание к Веневитиновым»)

Война соединяет подвиг, геройство и веселье, но она же способна пресечь стирающий события и значения ход времени. Через подвиг, возможность которого предоставляет война, осуществляется прорыв в вечность, выпадение из обезличивающего временного потока. Война, таким образом, обладает не только силой физического уничтожения, но является силой времяупорной. Подвиг на войне, в равной мере как и творчество, противостоит разрушающему потоку времени, преодолевает время и благодаря этому сохраняет смысл, наполняет жизнь смыслом.

Но счастливей стократ, кто с бодрою душою
За родину летел в кровавый бой
И лучезарною браздою
Рассек времен туман густой.
(«Вадим»)

В одном из последних и лучших своих стихотворений «Подвиг есть и в сраженьи» (1859) Хомяков вновь вернулся к столь важной для него теме подвига. Стихотворение это было

навечно воспоминаниями о покойной жене Екатерине Михайловне (урожденной Языковой). Теперь Хомяков понимает подвиг гораздо шире, и прежде всего как подвиг духовный – подвиг смирения, любви и молитвы.

Подвиг есть и в сраженьи,
Подвиг есть и в борьбе;
Высший подвиг в терпении,
Любви и мольбе.
Если сердце заныло
Перед злобой людской
Иль насилье схватило
Тебя цепью стальной;
Если скорби земные
Жалом в душу впились, –
С верой бодрой и смелой
Ты за подвиг берись.
Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на них
Без труда, без усилья
Выше мраков земных,
Выше крыши темницы,
Выше злобы слепой,
Выше воплей и криков
Гордой черни людской.

Топос старины связан в поэзии Хомякова не только с древней Грецией, но и с Ладогой («К арфе»), Новгородом («Новоград»), Киевом («Киев»). Старина способна проникать в новизну, прошлое, локализуясь в настоящем, в конце концов, так сказать, разъедая настоящее, она опрокидывает славу и силу, на месте которых остается «опустенье и развалины». Таков Новгород в стихотворении «Новоград» (нач. 1820-х гг.), указывающий в своем названии на новизну, но являющийся воплощением старины:

Средь опустенья и развалин,
Над быстрой волховской струей
Лежит он мрачен и печален,
К земле приникнув головой.
Обнажены власы седые;
Совлечены с могучих плеч
Доспехи грозные, стальные,
И сокрушен булатный меч;
Широкий щит, разбитый в брани,

Вдали лежит среди полей,
И на бросавшей молнии длани
Гремит бесславие цепей.
Тебя ли зрю, любимец славы?
Веков минувших мощный сын,
Племен властитель величавый,
России древний исполин?

Если Новгород в поэзии Хомякова еще оживляют отблески былого величия, хотя тень забвения и мрак исторического небытия уже готовы окончательно поглотить его, то образ Киева одновременно проще и лаконичнее. Он отсылает к военной славе и принятию христианства:

Старый Киев над Днепром
.....
Русской славы колыбель
.....
Руси чистая купель.
(«Киев», 1839)

Здесь звучит еще один мотив, связывающий старину с периодом детства народа, т. е. переносающий на историю метафору возраста. Впрочем, Хомяков не злоупотребляет аналогиями между народами, государством, с одной стороны, и живыми организмами, с другой. Методология органицизма не получает развития ни в его поэзии, ни в его философских трудах. Лишь следующее поколение славянофилов (Н. Я. Данилевский, К. Н. Бестужев-Рюмин, К. Н. Леонтьев), не без знакомства с позитивизмом, будет обращаться в своих работах к эвристическим находкам биологических метафор.

Силой, обращающей новое к старому, переводящей настоящее в прошлое, является время. Хомяков говорит о холодных и тяжелых руках времени, намекая на связь времени со смертью, с небытием:

Под времени рукой тяжелой
(«Ермак»)

Ужели холодными время руками
Навеки прервало свой сладостный глас?
(«К арфе»)

Время – стихия тварного бытия. Ход времени совпадает с пульсом жизни, но время же устанавливает границы самой жизни и всего сущего: то, что существует имеет начало и конец во времени. Это позволяет говорить о жизни как о смысловой целостности, имеющей завершение во времени и в этой своей конечности обретающей смысл своего существования. Не имея окончания, жизнь была бы бессмысленной чередой событий, повторяющихся фактов, однообразием дублирующих друг друга форм. Время теснейшим образом связано со смертью, поскольку смерть – это временной момент завершения жизни:

Песчинка за песчинкой, день за днем
Скользит без шума, в вечность упадая.
И так-то год пройдет, и жизнь сама
Уйдет от нас неслышными шагами.
(«Ермак»)

В ранних стихотворениях Хомякова встречается романтизация смерти, когда молодой герой готов пожертвовать собой и тем самым не только физически, но и смысловым образом завершить свой земной путь. Связь времени со смертью кажется очевидной. Смерть, отмеряя время жизни, придает ей смысловую завершенность. Смерть – предел смысла, но она сама лишена смысла, она принадлежит тому пространству хаоса, который окружает жизнь. Но в качестве границы бытия и небытия смерть подвергается осмыслению, культурной ассимиляции. Ее образы наполняют произведения искусства и литературы, визуализируются в обрядах и ритуалах, входят в содержание различных жизненных практик. Постепенно негативное восприятие смерти стирается, ею может измеряться и само качество жизни. Так, для Хомякова своевременная и даже ранняя смерть позволяет говорить о счастливо прожитой жизни.

Счастлив, кто, избранный богами и судьбой,
Не зная старости туманных хладных дней,
Сошел в безмолвный дом теней,
Протившись с радостью и жизнью молодою.
(«Вадим»)

Срок жизни, отмеренный судьбой, ставит знак равенства между ранней смертью и жизнью *до конца*, смертью в глубо-

кой старости. Старость здесь – не столько характеристика возраста, сколько показатель истончения смысла и тем самым иссякания самой жизни. Стариком можно быть в любом возрасте. Старость может быть и безвременной:

Без воли и надежд, безвременный старик.
(«Просьба», 1828)

Смерть неизбежна и с этой точки зрения не имеет принципиального значения срок ухода из жизни. Главное здесь – сохранение смысла; уйти до того, как жизнь утратит смысл. Впрочем, смерть уравнивает всех: и тех, чья жизнь, казалось бы, была полна смысла, и тех, кто прожил, казалось бы, нелепую жизнь. Неизбежность смерти опять же отрывает ее от небытия, переводя в разряд судьбоносных событий, а, значит, смысловых состояний. В качестве рокового события, смерть встраивается в ряд других важнейших моментов жизни. Смерть – событие, хронологически завершающее череду прочих жизненных происшествий, от которых она отличается лишь тем, что служит пределом всякого смысла.

Нет нужды: и предел один, нам всем сужденный,
Быть жертвой грозного властителя теней.
 Так: гроб всех смертных ожидает,
И поздно, рано ли – наш жребий выпадает
 Из урны роковой.
И презирающий моленья и стенанья
 Айдеса страж седой
Нас повлечет чрез Стикс на вечное изгнание.
(«К Деллию», пер. пол. 1820-х гг.)

Одной из аллегорий смерти в стихах Хомякова выступает сон. Сон – временная смерть, выпадение из цепи жизненных событий. Но сон может быть и переходом к смерти, т. е. той границей, которая отделяет жизнь от небытия. Во сне слышится дыхание небытия:

Подумать страшно. Сон лукав!
.....
Что, если чувство бытия
И страсти бурное волненье,
И мыслей гордое паренье
В единый миг утрачу я?

(«На сон грядущий», 1831)

Сновидческая материя смерти сближает ее с иллюзией, фантазией, фатаморганой (хотя, конечно, не превращает в только иллюзию), так же как танатоподобная природа сна приводит к его пониманию в качестве пограничного состояния. Сон для Хомякова выступает границей как между жизнью и смертью, так и в целом между различными временными периодами. Последнее стихотворение Хомякова так и называется: «Спи!» (1859). В нем поэт не только проводит параллель между сном и смертью, но и рассматривает возрасты человеческой жизни по аналогии с временами года, циклом природного бытия.

Время, таким образом, представляется Хомякову как диалектический процесс перетекания от небытия к бытию, от бытия к небытию. Жизнь отдельного человека или даже народа и государства имеют во времени предел своего земного существования, но сама жизнь как процесс бесконечна:

И века проходят,
И века рождаются, –
Вечное боренье,
Пламенная жизнь.
(«Молодость», 1827)

Цикл человеческой жизни (последовательная смена периодов-возрастов), вегетативный цикл природы задают восприятие времени как такого же циклического процесса смены жизни и смерти. Меняется лишь внешнее обличье, но сам процесс – вечен. Ход времени вполне естественен, независим от человека и в этом отношении сродни природе, что позволяет Хомякову уподобить течение времени переменам в природе:

Но ах! быстрее облаков,
И струй, и вешних ветерков
Мелькают дни за днями.
(«Вадим»)

Смена времен года («Сын времени свершил свой ход»), вегетативные процессы в природе, чередование возрастов человеческой жизни, – все это следы движения времени, перелисты-

вающие страницы событий, движущихся от настоящего к прошлому. С точки зрения человеческой жизни такое прошлое становится историей. Точнее, только то прошлое, которое имеет смысл, сохраняет смысл – есть история. История – один из основных предметов философского интереса Хомякова. Не случайно наиболее значительный вклад Хомяков внес именно в историософию. Историософским настроением пропитаны его поэтические рассуждения о России и славянстве.

В истории и через историю в нашу жизнь вносится привкус непостоянства, бренности всего земного, недолговечности власти, славы, богатства. История – перманентное движение, аннигилирующее ценности настоящего, девальвирующее настоящее, опрокидывающее значения и смыслы современности. Хомяков рисует в стихах череду исторических перемен, оставляющих лишь «горькую усмешку»:

Так неисчетны над землею
Промчались смертных племена;
Восстали, ринулись державы,
Народы сгибли без следов
И горькая усмешка славы
Одна осталась от веков.
(«Старость», 1827)

Века прошли, и племена другие
Покрыли край, где прах певца лежал.
(«Сон», 1828)

История – луч света в царстве небытия, но все, с чем она имеет дело – только прах, тлен, пыль земная. Историк не дана полнота человеческого бытия. Все, с чем он имеет дело, обладает сомнительной подлинностью, нуждается в проверке, критике, интерпретации. Действительность истории требует дополнительного удостоверения, исходящего от смысла настоящего. Не случайно, все, с чем сталкивается историк, – это не наблюдаемая реальность, а только смысл. Единственным средством сохранения прошлого не в его фактической, а смысловой реальности является память. Историей становится то, что достойно упоминания, о чем стоит вспомнить. Прежде всего – это личности и события, с которыми связаны величие и слава:

Нет, ты не умрешь, потомством не забытый;
Нет, память о тебе пойдет из рода в род,
К дальнейшим временам, с бессмертною хвалою.
(«Ермак»)

Память, конечно, не возвращает старину; она лишь воспроизводит смысл прошлого и тем самым как бы удваивает реальность. Живя настоящим, мы способны переживать те смыслы, которые были актуальны в прошлом. Таким образом, мы по смыслу оказываемся связаны с прошлым, а старина смысловым образом присутствует в настоящем:

Волшебной силой вспоминая;
Я буду жизнью жить двойной.
(«К В. К<иреевскому>», 1827)

В отличие от повседневной жизни, прошлое исполнено смыслом. Все случайное и временное ушло; память сохранила лишь то, что имеет смысл, значение для настоящего. В смысловом отношении прошлое и старина превосходят настоящее и новизну. Прошлое в сравнении с настоящим обладает смысловой избыточностью, ведь прошлое – это только смысл. Настоящее же, напротив, наполнено частными, преходящими, окказиональными, часто нелепыми моментами, в нем встречаются смысловые провалы и экзистенциальные пустоты. Однако сознание бренного земного бытия и скоротечности жизни ставит под сомнение абсолютность тех смыслов, которые достались нам от прошлого. По большому счету, все содержание старины – это лишь иллюзия смысловой полноты. Не случайно прошлое также может быть заражено тоской, как и обыденная жизнь:

И все душа неволью тосковала,
И снова грусть былое воскрешала,
И мысль моя носилась в прежних днях.
(«Сонет», 1830)

Хомяков довольно однообразно характеризует современность. «Наш век есть век чугунный», – пишет он («При прощаньях»). Или в другом месте: «В век наш роковой» («Разговор», 1831). В стихотворении «Разговор» полнее всего пред-

ставлено мнение Хомякова о том времени, в котором ему довелось жить. И если старина мыслиться им как воплощение веселья, силы и величия, то современность гораздо прозаичнее – это господство рационалистического мировоззрения и эгоистических страстей:

И эгоизм, как червь голодный,
Съедает наш печальный век.
Угасло пламя вдохновенья, увял поэзии венец
Пред хладным утром размышленья,
Пред строгой сухостью сердец.
.....
Круг истин скучен нам и тесен.
(«Разговор»)

Рациональное мышление приводит к преобладанию утилитарной точки зрения, к господству исчисляющего, прагматического взгляда на мир. В общественной жизни это проявляется в социальном атомизме – источнике эгоистических стремлений. Хомяков спокойно, без лишнего критического пафоса, как будто сам поддавшись очарованию калькулирующего разума, перечисляет те дела, которым отдают предпочтение его современники, которые составляют содержание «чугунного века». Однако не вызывает сомнения негативное отношение поэта к столь откровенному и упрощенному прагматизму. Все учение Хомякова и сама его жизнь являются протестом против господства обыденности и посредственности, против вымывания из жизни трансцендентного начала и жаждущей этого начала веры. Упрощение жизни приводит и к духовному опрощению, преобладанию количественных характеристик над качественными, вещи над человеком. Одномерной экзистенции своего века Хомяков противопоставляет чувство причастности Абсолюту, постигаемому через веру.

Науки верные расчеты;
Глупцами движимый народ;
Властолюбивцев темный ход;
Купцов смысленные заботы.
(«Разговор»)

Такой воспринимает Хомяков современность. Но главный грех «чугунного века» – в подавлении творческого начала, в ослабевании силы вдохновения. Мир погружается в суету мелочных политических интриг, коммерческих расчетов и господства самодовольной посредственности. Поэту в таком мире нет места, отсюда поэтический взор Хомякова обращен к прошлому, в котором он видит утрачиваемую в современности силу творчества, подвига, самопожертвования, героизма, а также к России, воплощающей ценность альтруистической любви, правды и религиозной веры, проявляющейся в покаянии и смирении.

Творчество сближает со стариной выход за пределы постылой «суеты земли бесплодной» («Вдохновение», 1831) и «шума денного бытия» («Видение», 1840). И если архаический рывок обращает нас к миру древности, к стоящему на грани небытия ветхому существованию, но наполненному силой смысла, то творчество раскрывает новый мир:

И новый мир сей к жизни рвется,
Стремится к звукам, просит слов.
(«Два часа», 1831)

И вольною мечтой свой новый мир творить,
И среди роскошного творенья
Другую, дивной жизнью жить.
(«На сон грядущий», 1831)

Для Хомякова творчество (в равной мере как поэтическое, так и смелость самостоятельного мышления) противостоит обыденности, «житейским волнениям», «привычным волнениям». Мысль сама по себе не новая. Мир повседневной жизни для Хомякова – это «мрак дольней суеты» («Жаворонок, орел и поэт», 1833), «житейская борьба», «суета земная», «смутный быт людей» («Элегия», 1835), «терн помыслов земных» («Вдохновение», 1831), «клубок роскоши ленивой» («Благочестивому меценату», 1858), «беспечная лень» («К***», 1832). Лень – главный соблазн, угрожающий поэту:

И если раз, в беспечной лени,
Ничтожность мира полюбив,

Ты свяжешь цепью наслаждений
Души бунтующий порыв.
(«Вдохновение»)

То, хочется дополнить за поэта, утратишь божественный дар творчества. Странно, но самого Хомякова в лени упрекал Бердяев. Конечно, Хомяков вел барский образ жизни, но эта жизнь давала столь необходимый для философии и творчества досуг. Социальное положение предоставляло Хомякову свободу, без которой не возможны ни философия, ни творчество. Многообразная деятельность Хомякова – лучшее опровержение его лени.

Только творчество способно примирить поэта с действительностью. Оглашение мира смыслом, которым наделен поэт, проводит к смысловому преобразованию реальности, как творению нового мира. Впрочем, этот новый или грядущий мир рисуется Хомякову в крайне обобщенных, даже смутных чертах:

И к жизни звучной и свободной.
(«Думы», 1831)

Что означает звучная жизнь? Это жизнь и окружающий мир, озвученные человеком, наделенные смыслом.

Наравне с творчеством обыденной жизни в поэзии Хомякова противостоит природа, но не в качестве царства смысла или нового мира, а как существование, лишённое искусственных и условных ограничений, которыми наполнена жизнь людей в обществе. Любопытно, что образ родной природы часто ассоциируется у Хомякова со степью. Его восхищает «степей кочующая воля». Романтический идеал природы как естественной жизни представлен в стихотворении «Степи» (1828):

Там не просек ее межами
Людей бессмысленный закон;
Людей безумными трудами
Там Божий мир не искажен;
Но смертных ждет святая доля:
Труды, здоровье, покой,
Беспечный мир, восторг живой,
Степей кочующая воля.

Хомяков, как известно, был страстным охотником, прекрасно разбирался в охотничьих собаках и тонкостях псовой охоты. По словам Бердяева, Хомяков «в погоне за зайцами разрешает свою тоску»¹. Охота в степи означает не только сближение с природой и ощущение органического единства с окружающим миром. Издревле загонная охота служила для тренировок воинских навыков. Хомяков воспринимает охоту в качестве отзвука столь высоко ценимого им воинского дела. В то же время в природе поэт ищет источник вдохновения, черпает материал и образы для творчества. Именно в этом состоит близость природы и творчества, а не в уподоблении сочиненного естественному. Мир социальный – мир безумный, но ведь природа еще менее осмыслена, чем общество.

Поэтический взгляд преображает саму природу; так же как память делает прошлое историей, поэзия превращает природу в одушевленное существование. Поэзия – душа природы. От поэтического прикосновения природа оживает, начинает дышать всей полнотой человеческого духа. Не случайно Хомяков видит в явлениях природы то же диалектическое взаимопроникновение противоположностей, какое он находит в человеке:

Заря! Тебе подобны мы!
Смешенье пламени и хлада,
Смешение небес и ада,
Слияние лучей и тьмы.
(«Заря», 1825)

Творчество и природа противопоставляются Хомяковым повседневному существованию, опирающемуся на рассудочные устои человеческого общества, погрязшему в мелочных заботах, жажде славы, поисках наживы. Олицетворением этого пошлого бытия для Хомякова является Запад – мир лжи, корысти и мещанского прозябания. Впрочем, Хомяков понимает и принимает все те достижения, которые дали западноевропейская наука и философия – «страна святых чудес». Но это все в

¹ Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков // Хомяков А.С. Стихотворения. М., 2005. С. 532.

прошлом. Поэт разочарован историческим итогом, к которому пришел западный мир. Он мертвеет и погружается во мрак. Современное состояние Запада вызывает у Хомякова аналогию с временами года – это зима:

Давно увядшие цветы существования
.....
И с памятью утрат и прежних наслаждений.
(«Зима», 1830)

Европейские страны рождают у Хомякова различные ассоциации. Так, Италия – «страна чудес / И пламенных искусств, и радужных небес», Швейцария – «убежище свободы», а Франция – роскоши («Зима»). Полнее всего отношение Хомякова к европейскому западу высказано в двух стихотворениях: «Мечта» (1835) и «Остров» (1836), написанных в период созревания его славянофильских идей. Хомяков признает исчерпанность западноевропейского пути социального и культурного развития, хотя и восхищается его историей и прежними достижениями. Запад воплотил в своей истории многие лучшие стороны человеческой культуры: мудрость науки и философии, веру и любовь, величие воинских подвигов и творческого вдохновения. Поэт готов преклониться перед этими достижениями, но осознает, что они остались в прошлом. На смену им надвигается сумрак исторического небытия.

Мечта

О, грустно, грустно мне! Ложиться тьма густая
На дальнем Западе, стране святых чудес:
Светила прежние бледнеют, догорая,
И звезды лучшие срываются с небес.
А как прекрасен был тот Запад величавый!
Как долго целый мир, колена приклонив
И чудно озарен его высокой славой,
Пред ним безмолвствовал, смирен и молчалив.
Там солнце мудрости встречали наши очи,
Кометы бурных сеч бродили в высоте,
И тихо, как луна, царица летней ночи,
Сияла там любовь в невинной красоте.
Там в ярких радугах сливались вдохновенья,
И веры огонь живой потоки света лил!..
О! никогда земля от первых дней творенья
Не зрела над собой столь пламенных светил!

Но горе! век прошел, и мертвенным покровом
Задернут Запад весь. Там будет мрак глубок...
Услышь же глас судьбы, воспрянь в сияньи новом,
Проснися, дремлющий Восток!

Славянофилы и в первую голову Хомяков, как известно, были людьми по-европейски широко образованными, хорошо знали и любили европейскую культуру, не редко выезжали за границу и публиковали там свои произведения. В стихах, посвященных Европе, выражено не личное отношение Хомякова к западной истории и культуре, а его историософские прозрения. Здесь Хомяков предстает уже не только поэтом, но и пророком. Финальный призыв к Востоку лишь подтверждает профетический смысл стихотворения, которое обращено к будущему.

К Востоку Хомяков взывал и в некоторых других своих произведениях, видя в нем альтернативу погружающемуся во тьму Западу. Востоку здесь, естественно, приписываются характеристики света. Восток остается для поэта источником религиозной истины и свободы, освещающий исторический путь человечества:

Чтоб страданьями – свободы
Покупалась благодать;
Чтоб готовились народы
Зову истины внимать;
Чтобы глас ее пророка
Мог проникнуть в дух людей,
Как глубоко луч с Востока
Греет влажный тук полей
(«Помнишь, по стезе нагорной», 1859)

Какой Восток имеет здесь в виду поэт, он не уточняет. Очевидно, что Восток для него понятие не географическое, а культурно-историческое. С Востоком для Хомякова связана метафора света, так же как с Западом – метафора мрака. Историософское восприятие Хомякова предельно контрастно, оно не осложнено оттенками и полутонами. Но такова, скорее всего, общая метафорическая и даже аксиологическая природа его поэзии и его мышления в целом. Хомяков мыслит крайностями; его мышление диалектично, оно не предполагает непре-

одолимой пропасти между Востоком и Западом. Восток идет на смену Западу, а, значит, является наследником и продолжателем его лучших традиций и результатов. Не случайно, призыв Хомякова обращен к Востоку.

Схожим призывом заканчивается еще одно стихотворение – «Остров», но здесь призыв обращен уже к России:

Дочь любимая природы,
Благодатная земля!
Как кипят твои народы,
Как цветут твои поля!
Как державно над волною
Ходит твой широкий флаг!
Как кроваво над землею
Меч горит в твоих руках!
Как светло венец науки
Блещет над твоей главой!
Как высоки песен звуки,
Миру брошенных тобой!
Вся объята блеском злата,
Мыслью вся озарена,
Ты счастлива, ты богата,
Ты роскошна, ты сильна.
И далекие державы,
Робко взор стремя к тебе,
Ждут, какие вновь уставы
Ты предпишешь их судьбе.
Но за то, что ты лукава,
Но зато, что ты горда,
Что тебе мирская слава
Выше Божьего суда;
Но за то, что Церковь Божью
Святотатственной рукой
Приковала ты к подножью
Власти суетной, земной...
Для тебя, морей царица,
День придет – и близок он –
Блеск твой, злато, багряница –
Все пройдет, минет как сон:
Гром в руках твоих остынет,
Перестанет меч сверкать,
И сынов твоих покинет
Мысли ясной благодать.
И забыв твой флаг державный,
Вновь свободна и грозна,
Заиграет своенравно
Моря шумная волна.

И другой стране смиренной,
Полной веры и чудес,
Бог отдаст судьбу вселенной,
Гром земли и глас небес.

«Пышный» и «чудный» остров – Англия. Хомяков рисует величие британской империи, но пророчит ей крах. Хомяков пишет об этом в пору расцвета британской колониальной империи, до падения которой обстаётся больше века. Реальные признаки упадка и ослабления еще никак себя не проявили, напротив, империя находится на пике могущества, ее ждет экстенсивный рост, победа в двух мировых войнах, удушение германской гегемонии в Европе и навязывание англо-саксонских параметров мирового порядка. С материальной стороны английское доминирование кажется бесспорным, но историософский взгляд Хомякова прозревает ее духовные изъяны: ложь, гордыню, безверие.

В чем причина падения Запада? Не в утрате силы или появлении более могущественного соперника, а в утрате правды: в господстве лжи, гордыне, властолюбию, безверии. Запад гибнет от своих пороков. Бог от него отвернулся. Таков приговор славянофильского Иеремии.

Предрекаемый Хомяковым итог западного мира есть следствие длительного исторического развития Европы, впавшей в ересь суемудрия, обрекающей ее на духовное бесплодие. Место живой веры в Европе заступила книжная мудрость, олицетворяющая старость культуры:

Школ воспитанник седой
Гордый мудростию книжной.
(«Широка, необозрима», 1858).

Рассудочное мышление, распатывая традиционные устои жизни, лишь усиливает чувство беспокойства и без того охватившего современную цивилизацию. Бестолковая суэта, наполняющая жизнь современного человека, приходит на смену эсхатологическим ожиданиям. Если эсхатология еще оставляла человеку возможность опоры в трансцендентном, и в этом был его шанс на спасение, то западная цивилизация оставляет

человека один на один с аннигилирующей логикой абсурда. Жизнь, основанная на голом разуме, жизнь, лишенная веры, мало плодотворна. Не случайно, европейская культура, несмотря на внешний успех, оказывается в ее нынешнем виде безрезультативной, источник ее творческого развития иссяк. По словам Хомякова, разум:

Целый мир кругом хранит,
А от душ неугомонных
Ваш тревожный мир не спит:
Бродит, ищет, речь заводит
С тем, с другим, все прока нет!
(«Жаль мне вас, людей бессонных», 1853)

Западный разум – вечно бодрствующий трансцендентальный субъект, воспринимающий мир сквозь оптику априорных форм в качестве своего собственного порождения. Именно специфика новоевропейского типа мышления приводит западный мир к господству лжи. Когда на уровне проявлений разума, его *cogitatum* восприятие реальной вещи неотлично от сновидения или фантазии, то и весь мир такого субъекта не только не отличим от сна, но и ложь неотличима от истины.

Критика Запада и признание исчерпанности пройденного Европой культурно-исторического пути, не означают у Хомякова однозначной идеализации России. Да, Россия противоплагается им Западу. Но какая Россия? О. Ф. Миллер в свое время верно заметил, что критика поэта направлена на Россию реальную, а его поэтические прозрения и призывы обращены к России грядущей.

Образ России нередко раскрывается Хомяковым через описание родной природы. Особенно это заметно в ранних стихах, например в «Послании в другу» (1822). Часто привлекает его степь, он с любовью пишет «про нашу степь, про звонкие метели» («Две песни», 1831), его пленяет «Отчизны дикая краса» («Иностранка», 1832).

Антитезой степи как родного пространства выступает пустыня – безжизненный край. Таков для Хомякова Петербург:

гранитная пустыня
Гордится мертвой красотой.
(«<В альбом С.Н. Карамзиной>», 1832)

Развернутое историсофское прочтение России дано Хомяковым в двух стихотворениях: «России» (1854) и «Ключ» (1835). Образ родника изъясняется им в таких выражениях, как «фонтан живой», «веры ясная святыня», «поэта чистая отрада». Все эти характеристики лесного источника Хомяков переносит на Россию. Однако, если ключ хранит свою чистоту «в глуши, в тени древесной», то задача России другая: утолить страждущие от духовной жажды народы, излить заключенную в роднике благодать, соединяя в любви и свободе разноязыкие племена.

В твоей груди, моя Россия,
Есть также тихий, светлый ключ;
Он также воды льет живые,
Скрыт, безвестен, но могуч.
Не возмутят людские страсти
Его кристальной глубины,
Как прежде холод чуждой власти
Не заковал его волны.
И он течет неиссякаем,
Как тайна жизни невидим,
И чист, и миру чужд, и знаем
Лишь Богу, да Его святым.
Но водоема в тесной чаше
Не вечно будет заключен.
Нет, с каждым днем живей и краше
И глубже будет литься он.
И верю я: тот час настанет,
Река свой край перебежит,
На небо голубое взглянет
И небо все в себе вместит.
Смотрите, как широко воды
Зеленым долом разлились,
Как к берегу чуждые народы
С духовной жаждой собрались!
Смотрите! мчатся через волны
С богатством мыслей корабли,
Любимцы неба, силы полны,
Плодотворители земли.
И солнце яркими огнями
С лазурной светит вышины,
И осиян весь мир лучами

Люби, святыни, тишины.
(«Ключ», 1835)

В стихотворении «Ключ» описание природы проецируется на страну, которая предстает развернутой метафорой природного источника. Хомяков отводит России роль духовного наставника, объединяющего творческие начала человечества и обнимающего народы силой «любви, святыни, тишины».

Несовпадение реальной и чаемой России хорошо показано Хомяковым в стихотворении «России» (1854). Он вскрывает противоречие между действительным состоянием страны, описание которой поэт предельно критически заостряет, и тем призванием, той исторической задачей, которая стоит перед Россией.

России

Тебя призвал на брань святую,
Тебя Господь наш полюбил,
Тебе дал силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слепых, безумных, буйных сил.
Вставай, страна моя родная,
За братьев! Бог тебя зовет
Чрез волны гневного Дуная,
Туда, где, землю огибая,
Шумят струи Эгейских вод.
Но помни: быть орудьем Бога
Земным созданиям тяжело.
Своих рабов он судит строго,
А на тебя, увы! как много
Грехов ужасных налегло!
В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!
О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорей омой
Себя водою покаянья,
Да гром двойного наказанья
Не грянет над твоей головой!
С душой коленапреклоненной,
С главой, лежащею в пыли,
Молись молитвою смиренной
И раны совести растленной

Елеем плача исцели!
И встань потом, верна призванью,
И бросься в пыл кровавых сеч!
Борись за братьев крепкой бранью,
Держи стяг Божий крепкой дланью,
Рази мечом – то Божий меч!

Патриотический настрой стихотворения казалось бы нивелируется беспощадной критикой социальных грехов России, обличением царящей в ней неправды. Осуждение российской действительности нужно Хомякову, чтобы по контрасту подчеркнуть величие ее предназначения, а также для того, чтобы показать, что Бог на стороне того, в ком правда, а не мирская сила. Борясь с собственной несправедливостью, ложью, рабством, ленью, Россия приближается к решению предназначенной ей задачи. Преображение России необходимо для исполнения ее исторического предназначения, которое в стихотворении «России» Хомяковым только намечено («За братьев!»). Главное же для Хомякова – тот путь, который должна пройти Россия, чтобы встать вровень стоящей перед ней задачи, чтобы быть достойной своего призвания. Это путь покаяния и смирения:

Но в силе трезвенной смиренья
И обновленной чистоты
На дело грозного служенья
В кровавый бой предстанешь ты.
(«Раскаявшейся России», 1854)

За все, за всякие страданья,
За всякий поправный закон,
За темны отцов деянья,
За темный грех своих времен,
За все беды родного края,
Пред Богом благости и сил
Молитесь, плача и рыдая,
Чтоб Он простил, чтоб Он простил!
(«Исповедь», 1844)

В раннем стихотворении «Послание Веневитиновым» Хомяков еще возлагает надежду на военную силу России, способную помочь восставшим грекам:

русский меч стальной,
Спаситель слабых царств, надежда, страх вселенной.
(«Послание Веневитиновым»)

Позднее он говорит уже о силе духовной. Для России такой силой будет вера, правда, свобода и любовь. Поэт убежден, что победа в борьбе дается народу по вере его:

И не меч, не штык трехгранный,
А в венце полночных звезд –
Усмиритель бури бранной –
Наша сила, Русский крест!
(«<На перенесение наполеонова праха>», 1840)

Значение веры как реальной силы Хомяков подчеркивал в стихотворении «Мы род избранный, – говорили» (1851). Однако сила веры не переходит буквально в силу мирскую. Реальная сила и власть над миром принадлежит не людям. Вера лишь свидетельствует о верности избранного пути, о его совпадении с предначертанным ходом событий. Собственно говоря, вера нужна не для приобретения власти на земле, а для укрепления и распространения самой веры, для того, чтобы привести к Богу человечество. В этом же смысл истории как богочеловеческого процесса – возвращение человечества и всего тварного бытия к абсолютному началу.

Но с теми Бог, в ком Божья сила,
Животворящая струя
Живую душу пробудила
Во всех изгибах бытия;
Он с тем, кто гордости лукавой
В слова смиренья не рядил,
Людскою не хвалился славой,
Себя кумиром не творил;
Он с тем, кто духа и свободы
Ему возносит фимиам;
Он с тем, кто все зовет народы
В духовный мир, в Господень храм.
(«Мы род избранный, – говорили»)

Еще одним оружием России, убежден Хомяков, должна стать правда как средство борьбы с ложью и клеветой – стихиями социально-государственного устройства мира Запада.

Изобличая лож, Россия словом способна добиваться победы, но слово правды, настаивает Хомяков, – это божественное слово:

И ты – когда на битву с ложью
Восстанет правда душ святых –
Не налагай на правду Божью
Гнилую тягость лат земных.
Доспех Саула ей окова,
Саулов тягостен шелом;
Ее оружие – Божье слово,
А Божье слово – Божий гром!
(«Давид», 1844)

Хомяков не случайно упоминает ветхозаветного Саула – первого царя Израиля. Поражение иудеев и смерть Саула в битве с филистимлянами были следствием утраты Саулом веры, так что он «стал мал в глазах Господа». Вместо веры в Бога Саул перед битвой идет к колдунье. Хомяков обращается к этому сюжету, чтобы показать, что борьба с ложью – это духовная брань, основным средством которой должна служить свобода слова, от стеснения которой так страдали славянофилы. У стихотворения есть и вполне конкретный повод: преследование митрополитом Филаретом старообрядцев полицейскими мерами, против чего выступали славянофилы.

Вера и правда необходимы России для проведения в жизнь двух других начал: любви к людям (братской любви) и свободы. Ближайшим образом, полагал Хомяков, это должно вылиться в помощь южным и западным славянам, лишенным своей государственности и находящимся под иноземным владычеством. В стихотворении «Раскаявшейся России» он призывал:

Иди! тебя зовут народы!
И, совершив свой бранный пир,
Даруй им дар святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни мир!

В стихотворении «Парус поднят; ветра полный», написанном по поводу выхода славянофильской газеты «Парус», Хомяков уже говорит о возможном собирании славянских наро-

дов, объединяющихся вокруг России на принципах правды и любви:

Парус Русский!.. Через волны
Уж корабль несется сам.
И готов всех братьев челны
Прицепить к крутым бокам.
Поднят флаг: на флаге виден
Правды суд и мир любви.
Мчись, корабль: твой путь завиден...
Господи, благослови!
(«Парус поднят; ветра полный», 1858)

Впрочем, в ранних произведениях Хомяков допускал возможность политического сближения народов. В трагедии «Дмитрий Самозванец» он вкладывает эту мысль в уста Дмитрия:

И Русь моя других держав главою,
И русский царь глава других Царей!
(«Дмитрий Самозванец»)

Правда, это, можно сказать, единственный призыв поэта, подразумевающий политическое преобладание русского народа в славянском мире. Соблазн государственного господства Хомяков быстро преодолел. Объединение славян, полагал он, возможно только добровольно и только на началах правды, свободы и любви.

Панславистские мотивы чаще других привлекали внимание исследователей в лирике Хомякова. Мысль о славянском единстве лежит, так сказать, на поверхности идейного содержания некоторых его поэтических произведений. Она же непосредственно стыкуется со всей системой мирозерцания славянофильского кружка, хотя, в раннем славянофильстве панславистские мечтания не были особенно распространены. Не они двигали мыслью славянофилов и подталкивали их к действию. Главное сводилось к требованию самостоятельного мышления (самобытного любомудрия) и выработке социо-культурных начал русской жизни исходя из самой русской жизни и ее истории, а не из европейских заимствований.

В стихах Хомякова, обращенных к славянам, самое распространенное слово – братья, подчеркивающее не только племенное родство славянских народов, но и основной принцип славянского единства – братскую любовь, являющуюся частным случаем общечеловеческой любви. Братская любовь не предполагает подчинения; братья равны, хотя между ними могут быть старшие и младшие. Роль старшего бата в славянской семье Хомяков отводил России. Братская любовь также означает признание индивидуальности каждого народа и его полной свободы. Поэтому так важно, считал Хомяков, добиться для славянских народов свободы политической, которая является гарантом сохранения и всех остальных свобод. Единство во множестве, основанное на свободе и любви, т. е. принцип соборности – вот идеал, предлагаемый Хомяковым славянам, равно как и всем другим народам.

Пронесется мрак ненастный,
И, ожидаемый давно,
Воссияет день прекрасный,
Братья станут заодно:
Все велики, все свободны,
На врагов – победный строй,
Полны мыслью благородной,
Крепки верою одной.
(«Не гордись перед Белградом», 1847)

Вставайте, славянские братья,
Болгарин, и серб, и хорват!
Скорее друг к другу в объятия,
Скорей за отцовский булат!
(«Вставайте! оковы распались», 1853)

Призыв к борьбе, к оружию здесь нужно понимать буквально. Он обращен, в том числе, и к России, но главное ее оружие, как мы помним, правда и свобода. Второе по частоте употреблений слово в славянофильской поэзии Хомякова и, вместе с тем, образ, ассоциирующийся со славянством – это орел. Одно из стихотворений панславистского цикла так и называется «Орел» (1832(?)):

Питай их пищей сил духовных,
Питай надеждой лучших дней

И хлад сердец единокровных
Любовью жаркою согрей!
Их час придет: окрепнут крылья,
Младые когти подрастут,
Вскричат орлы – и цепь насилья
Железным клювом расклюют!

Россия, в стихотворении Хомякова – «орел полночи», – единственная славянская держава. Не случайно к ней обращены взоры «младших братьев». Образ орла в поэзии Хомякова, вероятно, далеко не в первую очередь отсылает к государственной геральдике славянских народов. Для него важнее ассоциации, вызываемые этой благородной птицей и приписываемыми ей качествами, которые можно перенести на славянские племена. Хомяков даже причудливо сочетает орлов и морскую стихию – еще один образ славянских народов, восходящий к А. С. Пушкину:

Вскипите ж, славянские волны!
Проснитесь, гнезда орлов!
(«Вставайте! оковы распались»)

К роли России в деле политического освобождения славян Хомяков обращался в стихотворении «Ода (На Польский мятеж)» (1830):

Орлы Славянские взлетают
Широким дерзостным крылом,
Но мощную главу склоняют
Пред старшим Северным Орлом.
Их тверд союз, горят перуны,
Закон их властен над землей,
И будущих Боянов струны
Поют согласие и покой!..

Здесь Хомяков, вероятно, не даром вводит в стихотворение языческие образы: перуны, струны Бояна, как бы намекая на дохристианские традиции славян. Религиозные противоречия в славянском мире между католиками и православными, католиками и протестантами, христианами и мусульманами, слишком сильны. Они, безусловно, препятствуют объединению народов, поэтому поэт и упоминает тот исторический период, когда этих противоречий среди славян не было. Политические

претензии и исторические обиды в славянском мире, конечно, тоже присутствуют. Чего стоит хотя бы многовековое соперничество Росси и Польши, но политические притязания могут быть в значительной мере удовлетворены восстановлением государственности у славянских народов. Религиозны же противоречия имеют более глубокий характер. Любопытно, что в панславистских стихах Хомяков, в жизни глубоко верующий православный человек, почти не обращается к христианской символике.

Объединительная роль России в освобождении славян понятна и исторически объяснима: в XIX в. Россия оставалась единственным славянским государством, сохранившим свою независимость. Но вокруг какого центра могут объединиться славяне? Для России западно- и южнославянские земли выглядят как довесок на ее западных границах. В качестве центра притяжения Россия кажется слишком неоднородной. Таким центром, полагает Хомяков, должен стать Киев – столица древнерусского государства:

Пробудися, Киев, снова!
Падших чад своих зови!
Сладок глас отца родного,
Зов моленья и любви.
(«Киев», 1839)

Хомяков нигде не говорит о славянской исключительности, о каких-то особых качествах славян, выгораживающих их перед другими народами. Даже в своих панславистских стихах он остается поэтом всечеловеческим, а не узко национальным. Он не противопоставляет славян другим народам, даже не сравнивает народы между собой, тем более, с целью принижения какого-либо из них. Хомяков противопоставляет Россию и Запад, но это антитеза культурно-историческая, цивилизационная, а не племенная. В историсофском трактате «Семирамида», усматривая в истории конфликт народов-завоевателей с народами-домостороителями, он воспринимает германцев и славян в качестве выразителей этих исторических начал, а не этнических образований. Главный вывод историософии Хомя-

кова сводился к признанию определяющего значения веры в истории (иранство и кушитство), а не племенных особенностей.

Считается, что Хомяков мало писал, отдавая предпочтение стихии живого общения. Страстный спорщик, «бретер диалектики», по выражению А. И. Герцена, он был представителем салонной и кружковой философии в России, с ее приоритетом устной речи, докладов и дискуссий над готовым текстом. Незавершенность многих произведений славянофилов, отсутствие славянофильской догмы для истории философии выглядят явным недостатком. Славянофильство оказывается довольно размытым историко-философским явлением. Самое главное у славянофилов было высказано в беседах и спорах и безвозвратно кануло вместе с их участниками. Однако ценность славянофильского кружка заключается не только в дошедших до нас текстах, идеях, интуициях, но и в самой изначальной форме философствования, впервые представленной в России именно славянофилами. Как известно, философия возникла в качестве формы свободного времяпрепровождения досужных и обеспеченных свободных граждан греческих колоний. Славянофилы фактически воспроизвели этот же тип свободных мыслителей, рассуждения которых питаются энергией агона и ограничиваются лишь мерой дружеского застолья. В кружке славянофилов сам Хомяков ценил, прежде всего, дружескую атмосферу и «разговор послушный»:

Там дружества привет радушный
И ум в согласии с душой,
И чувству разговор послушный
Отрадной дышит теплотой.
(«<В альбом С.Н. Карамзиной>»)

На первом месте для участников славянофильского кружка стояло удовольствие от общения. Философия, поэзия были важны не сами по себе, а лишь как содержание этого общения. Впрочем, славянофилы прекрасно сознавали насущность обсуждаемых ими вопросов. Праздность не распространялась на содержание их бесед. Спор могла спровоцировать даже шутка, но она никогда не становилась самоцелью. Идеи славянофилов

не всегда были востребованы в обществе, но необходимость этих идей не вызывала сомнений у славянофилов:

Мир жадно и трепетно ждет
Властительной мысли и слова!..
(«<На перенесение наполеонова праха>»)

Русское общество было необходимо подготовить к восприятию славянофильских идей. Хомяков называл это:

Дать миру и уши, и сердце
Для слушанья речи святой!
(«К счастью во мне пробуждалась», 1856)

Впрочем, при жизни Хомякова славянофилы оставались немногочисленным дружеским кружком. Даже снятие ограничений и запретов на публикации и деятельность славянофилов при императоре Александре II мало изменило ситуацию. Востребованность славянофильских идей в русском обществе и власти была крайне ограниченной. В стихотворении «Труженик» (1858) Хомяков рисует образ пахаря, который «дикую враждою / И злым безумьем окружен». Непонимание славянофилов, неприятие их идей, ограничения, которые налагала власть на их произведения, неспособность общества воспринять обращенные к нему призывы, приводили к тому, что многие проекты славянофилов (в том числе издательские) не находили поддержки или вовсе запрещались. Славянофилы явно уступали западникам по силе влияния и популярности в русском обществе. Однако они не отступали от своих убеждений, воспринимая свое дело в качестве религиозного служения. Это придавало славянофилам силы.

Иду свершать в труде и поте
Удел, назначенный Тобой;
И не сомкну очей в дремоте,
И не ослабну пред борьбой.
Не брошу плуга, раб ленивый
Не отойду я от него,
Покуда не прорежу нивы,
Господь, для сева Твоего.
(«Труженик»)

Сравнение себя с пахарем, а своей идейной борьбы с работой земледельца, конечно, содержит отголосок романтической любви к народному быту и труду. Однако в стихах Хомякова нередко встречается и другое сравнение: с кораблем, челном, ладьей. Оно относится прежде всего как к славянам (славянскому морю, славянским волнам), так и к самому поэту:

Я не рожден быть утлою ладью,
Забытой в пристани, не знающей морей,
И праздно истлевать кормою,
Добычей гнили и червей.
Но я хочу летать над бурными волнами
Могучим кораблем с дружиной боевой,
Под солнце тропика, меж северными льдами
Бороться с бездною и дикою грозой,
Челом возвышенным встречать удар судьбины,
Бродить по области и смерти и чудес,
И жадно пить восторг, и из седой пучины
Крылом поэзии взносится до небес,
Вот счастливый удел, давно желанный мною.
(«Просьба», 1828(?))

Таков жизненный идеал Хомякова, которому он следовал и который старался воплотить в своих делах и поступках, поэтическом творчестве и философских спорах.

В историю русской культуры и философии Хомяков вошел как лидер кружка славянофилов. Споры западников и славянофилов не ограничились только серединой XIX столетия. Они во многом предопределили дальнейшее развитие русской философии, заложив ее тематические и даже стилистические особенности, стали своеобразными парадигмами русской мысли и культурно-исторического самоопределения российской интеллигенции. Роль Хомякова, как генератора славянофильских идей, а, порой, и провокатора споров, переоценить сложно. Его же вклад в поэзию оценивается куда скромнее. История литературы определила ему место лишь в ряду второразрядных стихотворцев. Поэзия Хомякова оказалась в тени творчества его более талантливых современников: Пушкина, Баратынского, Языкова, которым поэт-славянофил, выражаясь казенным языком XVII в. оказался «не в версту». Не берусь судить, на-

сколько справедлив такой приговор. Он во многом отражает общее (до сих пор) настороженное отношение к славянофильскому наследию и их творчеству. В середине XIX в. это был узкий круг единомышленников, дополнительно скрепляемый кровным родством. Либеральные требования славянофилов: свобода слова и совести, отмена крепостного рабства, местное самоуправление, уравнивание всех сословий в правах с дворянством и, тем самым, ликвидация сословного государства, власть настораживали, а порой и пугали. Необходимость выработки самостоятельно философского мышления и сейчас может быть поставлена в задачу русской философии в широком смысле, а споры о цивилизационной идентичности России не утихли и поныне. Национальный элемент в идейном наследии славянофилов выражен очень слабо, а принцип национальной исключительности и нетерпимости отсутствует вовсе. Не случайно, славянофилами становились многие русские немцы (В. И. Даль, А. Ф. Гильфердинг, О. Ф. Миллер). О тюркских корнях многих славянофильских фамилий не стоит за очевидность даже упоминать. Всечеловеческие элементы преобладали как в философском, так и в литературном творчестве славянофилов. Прекрасным примером этого служит поэзия Хомякова.

Хомякова часто упрекали в том, что его поэзия идет из головы; в ней мало чувства и много теории. Для искусства это явный недостаток. Взгляд на поэтическое творчество Хомякова с философской точки зрения во многом ее реабилитирует. Его поэзия служит хорошим примером литературоцентризма, воспринимаемого историками в качестве одной из особенностей русской философии. Идеалы, воспеваемые в стихах Хомякова, – свобода, правда, дружба, покаяние, смирение, братская любовь, вера – универсальны. Они прекрасно иллюстрируют гуманистические основы русской философии в целом. Несмотря на явные романтические истоки поэзии Хомякова, как и большинства идей славянофилов, многие его стихи сродни молитве. В них нет ни напускного глубокомыслия, ни озорного эротизма, ни энциклопедической всеядности, т. е. всего того, что, как правило, пробуждает внимание литературоведов. В

его стихах часто звучит духовный призыв, который никого не обольщает, ничего не описывает и не объясняет, не вызывает череду культурно-исторических ассоциаций, т. е. не нуждается в интерпретации. С этой стороны для литературоведа его стихи могут казаться малоинтересными, однообразными и даже скучными. Однако они обращены не к кабинетному книжнику, а к друзьям-единомышленникам, к России или тому абсолютному началу, которое предопределяет ход событий. В последнем смысле его стихи подобны молитве. Заключенный в них призыв требует лишь принятия и повторения. Некоторые свои стихи Хомяков прямо называл молитвой. Такова его молитва о России:

Не дай ей рабского смиренья,
Не дай ей гордости слепой,
И дух мертвящий, дух сомненья
В ней духом жизни успокой.
(«В альбом В. В. Ганке», 1847)